

**«ИНФЕРНАЛЬНИЦЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В ИДЕЙНОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА
«СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ» ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА**

А.Е. Умнов

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р филол. наук, профессор И.М. Попова

Ключевые слова и фразы: бессмертие; власть; inferнальница; личность; любовь; нечувствие; общество; пересотворение; судьба.

Аннотация: Исследованы аллюзии на женские образы произведений Ф.М. Достоевского в романе В.Е. Максимова «Семь дней творения». Проведено сопоставление Грушеньки из «Братьев Карамазовых» и Александры, в данном аспекте рассмотрены взаимоотношения Андрея Лашкова с Александрой, представляющие собой антагонистичность inferнальной и «божьей» любви.

В романе В.Е. Максимова «Семь дней творения» [1] ярко просматриваются сквозные, особенно волновавшие писателя темы, которые впоследствии будут разрабатываться им более широко в поздних произведениях: определение судьбы России в окружающем мире; взаимосвязи личности и общества, власти и народа, антиномия активной борьбы человека с социальными обстоятельствами и покорности судьбе; пути духовного возрождения личности и ее возможной деградации. Все эти проблемы решаются с использованием библейских параллелей и интертекста русской классической литературы, в первую очередь творчества Ф.М. Достоевского.

Тема любви в качестве составляющей каждой названной выше проблемы доминирует в судьбах главных героев романа «Семь дней творения»: Петра Лашкова, его братьев Василия, Андрея и внука Вадима. Так, проблема существования личности в обществе, построенном на лжи и насилии (деградация, бездуховность, унижение и нивелирование личности, ощущение подмены ценностей и т.д.) сопрягается у Владимира Максимова с темой смерти, антиподом которой в романе «Семь дней творения» всегда выступает любовь. Даже если это inferнальная любовь, то есть

Умнов А.Е. – аспирант кафедры русской филологии, e-mail: Pfl65@yandex.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

любовь-ненависть, то она превращается под очищающим огнем страдания в милосердную, «божью» любовь.

Наиболее яркий пример представляет инфернальница Александра, которая внешнею, поведением, своей судьбой напоминает Грушеньку из «Братьев Карамазовых».

Андрей, встречаясь с нею, видит Александру «как во сне», для него пропадает реальность, а возлюбленная кажется ему воплощением женственности: «Ни стоптанные сапоги, ни суконный с мужниного плеча пиджак, ни темный старушечий платок, опущенный чуть не до самых бровей, не могли, не в состоянии были хоть сколько-нибудь обесформить ее рвущуюся сквозь одежду жаркую плоть, стереть с почти еще девичьего облика врожденное в ней выражение зова и желания» [1, с. 98].

Андрей представляет крестьянскую ветвь рода Лашковых. Война застала его тридцатилетним комсомольцем. Личная жизнь его не сложилась из-за классовой неприязни односельчан к «партийному», которую они испытывали после насильственного процесса коллективизации и раскулачивания зажиточных крестьян. Он честный, убежденный в правоте «революционного» дела, человек, выполняющий партийные задания, ставя их выше всего личного. Когда ему поручили перегнать колхозное поголовье скота, чтобы спасти его от фашистских захватчиков, то Андрей с жаром, с осознанием значительности спасения народного добра взялся за это трудное дело, заставшее его врасплох. Андрей всегда был только подчиненным, а теперь вынужден был командовать многими людьми. Его тревожила мысль, что «погодки воевать уходят», а он «заместо пастуха в другую сторону» [1, с. 96]. Но герой принимает безоговорочно «наказ партии» и, преодолевая свои «героические романтические порывы», он начинает выполнять «прозаическое» задание, которое окажется не менее драматическим, чем воевать с фашистами. Александра подвергла все убеждения персонажа сомнениям. Она ненавидит в нем «шибко партийного», а герой не может отказаться от убеждений в правоте «пролетарского дела».

Впервые Андрей усомнился в правильности своего поведения во время прощального разговора со своим старшим братом, когда Петр Васильевич «сбился с тона», бросил втолковывать Андрею о партийной дисциплине, а погоревал о предстоящей долгой разлуке с сочувствием и горечью. В итоге Андрей и Петр поняли, как много в жизни значат один для другого, как важна любовь, семейные связи. Эти изменения повлияли и на отношения с Александрой.

Как Грушенька, Александра тоже сметливая, умная, поэтому быстро приобрела «уважение и силу» и стала заведовать фермой. Гордая и независимая, она играет судьбой влюбленного Андрея, который и ненавидит ее за перенесенные унижения, и пылает к ней неослабевающей страстью. Претерпев множество невзгод военного времени, Андрей даже попал от любовной тоски в психбольницу.

Прибежищем его истерзанной социальными катаклизмами, войной и личной неудачей души становится русская природа, лес. В начало повествования автор романа помещает символическое видение Андрея: «И снилось ему поле, пустое, простреленное со всех четырех сторон поле, с одним единственным деревом... – у кромки горизонта. И он полз к нему –

этому дереву, чтобы укрыться, спрятаться там от смертного боя вокруг...» [1, с. 93].

Дерево, а затем лес, русская природа – единственная ипостась, которая может спасти человека от смертного тлена войн, от жестокой, кровавой социальной борьбы. И Андрей Лашков в конце жизни становится лесником, укрывается в дремучем лесу, где обретает трудное счастье в семье с любимой женщиной Александрой и ее многочисленными детьми.

Если Грушенька полюбила Дмитрия любовью-жалостью только тогда, когда достигли апогея страдания, связанные с обвинениями в убийстве отца, то и Александра пожалела Андрея только тогда, когда он оказался в униженном положении, когда страдающая душа его воскресла, а ум отрезвился от «партийной идеологии».

Возрождение было долгим и началось с «любви к родному пепелищу». Герой вернулся к традициям предков, к семейным ценностям. Он нашел свой путь к истине через страдания.

Андрей глядывался в каждого, кто должен совершить переход с семьями, скарбом, скотом по «пустыне военной России», как когда-то библейский Моисей блуждал со своим народом по Аравийской пустыне, чтобы выдать из душ людских рабство.

«Шибко партийный», Андрей обращается к Богу, молясь о благополучном исходе: «Господи, какую же мерой надо будет воздавать им, чтобы довести до места и никого не потерять? А главное, ничего не потерять» [1, с. 102].

Когда Андрей испытывает от самого дорогого человека, возлюбленной Александры, жгучую к себе ненависть за надругательство над святыней над храмом, то он оправдывается перед своей совестью: «Ему приказали – он выполняет». Но вдруг понял, что мир поделен на тех, кого гонят, и тех, кто гонит. Они – Лашковы – всегда принадлежали ко вторым. В душе Андрея впервые тогда возник вопрос: почему так, по какому праву? Но ответить он не смог и постарался заглушить свою осознанную вину, совесть.

Андрей понял, что за партийными клеймами стоят неординарные личности. Бывший «корниловец» Григорий Иванович Бобошко оказался не только отличным ветеринаром, но жертвенным человеком, любящим всех окружающих людей больше, чем свою жизнь. «Балабол и бабник» Санька Сурыгин, рискуя жизнью, передает воду измученным жарой арестантам. А когда полковник ГПУ заставляет Андрея расстрелять станичников за то, что не выделили места для скота, то Андрей, вспомнив Александру, становится на сторону «побежденных», отпускает старика, так как видит жестокость и несправедливость «победителей», к которым и сам до этого принадлежал.

Герой задумывается над словами тех, кого любит Александра: «Тварь Божья она под Богом ходит, когда час придет, тогда и отдаст душу. А храм на вечные времена, в нем душа народная соблюдается» [1, с. 135]. Воспринимая Александру как inferнальницу, Андрей постепенно понял, что насилием нельзя «пересотворить человека за двадцать быстротекущих смертных лет», а значит его правильно отвергает честная Александра.

В характере Андрея, как и Дмитрия из «Братьев Карамазовых», преобладает доброта. Злость и жестокость проступали только тогда, когда дело касалось партийных интересов. Андрей живо откликается на чужую боль: спасает испанского ребенка, чуть сам при этом не погибнув. Недаром старуха, отдавая ему больного ребенка, называет его «душа голубиная». Доброе начало позволяет ему «увидеть впереди крест», который и осветил ему путь. Андрей честен, не идет ни на какие сделки с совестью, хотя все вокруг твердят, что война «все спишет». Бобошко точно объясняет Андрею смысл его «метаний»: «Природа той тьмы, которую вы взяли освещать, не приемлет света вообще. Пусть будет хуже, но поровну, вот ее принцип. И сколько вы не старайтесь, те, кого вы вздумали облагодетельствовать, не поймут вашего порыва и разбегутся от вас рано или поздно...» [1, с. 158]. Поэтому и бежит Александра.

Бобошко первым предрек Андрею, что он не вынесет груза ложной идеологии, так как взвалил его на себя, будучи чистым душой. Под воздействием насмешек Александры, Андрей окончательно сбрасывает с себя бремя «победителя» и «шибко партийного»: «Он вдруг увидел себя бессловесной тварью, какую гонят неизвестно куда и неизвестно зачем, не давая сделать без спроса и шагу» [1, с. 161].

Придя к мыслям о необходимости чистоты совести для счастливой любви, Андрей Васильевич думает о детях, внуках, «о внуках тех внуков, но всех тех, чьими делами и правдой из века в век будет жива и неистребима его земля – Россия» [1, с. 88]. В результате становится настоящим отцом шестерым детишкам Александры.

Преодолев ложный блеск подмены, центральный герой романа «Семь дней творения» Андрей Лашков сумел ценой длинной, полной ошибок и невзгод жизни, пересотворить себя, разбудить свою душу, преодолеть «окаменелое нечувствие», охватившее несколько поколений людей в послереволюционной России. Все это он содеял под воздействием вначале «инфернальной», а затем «божеской» любви Александры, несущей в своей природе черты русского национального женского характера.

«Божеская любовь» воплощена в «Семи днях творения» с помощью библейского образа путеводной спасительной звезды, которая выступает символом вечности во всех произведениях Максимова. «Звездный мир» дарит душевный покой и гармонию тем людям, которые смогли полюбить самоотверженно и глубоко: это не только Андрей и Александра, но и Сима и Лева Храмов, Штабель и Груша, Муся и Осип Меклер.

Любовь и вера едины в авторской концепции романа. Вера возрождает лучшие духовные качества человека, которые проявляются в любви. Не только судьба Александры, но и Антонины подтверждают эту позицию автора. Героини своей милосердной любовью преображают всех вокруг, воспринимая семейную жизнь как несение креста за любимых.

Эгоистическая любовь, питающаяся гордыней, наоборот ведет, по мысли автора, к смерти, о чем свидетельствует история любви Груши Горевой и Василия Лашкова, которые буквально погубили друг друга из-за того, что Груша не смогла преодолеть инфернальной страсти.

Человек, отринувший инфернальную любовь во имя служения избранной идее (участковый Калинин), даже если и обладает честью и сове-

стью, то все равно гибнет духовно, «засыхая как бесплодная смоковница» от одиночества. Оперуполномоченный Калинин – яркий символ обреченности режима, основанного на фанатизме и голом энтузиазме, который «пожирал себя своим антиприродным, вымышленным в горячем мозгу атеиста, экспериментом пересотворения» мира.

Тема inferнальной и «божьей» любви в романе «Семь дней творения» играет концептуальную роль. Inferнальная любовь губит, а «божья» воскрешает человека с помощью идущего от Ф.М. Достоевского символического мотива «детскости» человечества («все человечество – дитя»), Максимов воплощает эту центральную идею в своем творчестве. Детскостью не обладают inferнальницы. Это качество присуще любящим «пересотворившим себя в духе» персонажам: Александре, Наташе, Валентине, Симе, Антонине и другим. Только полюбив по-божьи, герои не становятся «как дети», поскольку, как утверждается в романе, милосердная любовь духовно преображает человека к бессмертию.

Список литературы

1. Максимов, В.Е. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2 / В.Е. Максимов. – М. : Терра, 1991. – 507 с.

Dostoevskian «Infernal Women» in Ideological System of the Novel «Seven Days of Creation» by Vladimir Maksimov

A.E. Umnov

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: infernal woman; destiny; individual; society; power; love; recreation; insensitivity; immortality.

Abstract: The aim of the paper is the research into allusions to Dostoevskian female images in V.E. Maksimov's novel «Seven Days of Creation». The images of Grushenka from «The Brothers Karamazov» and Alexandra are compared; in this aspect the relationship between Andrey Lashkov and Aleksandra are presented as antagonistic gist of infernal and «divine» love.

© А.Е. Умнов, 2010